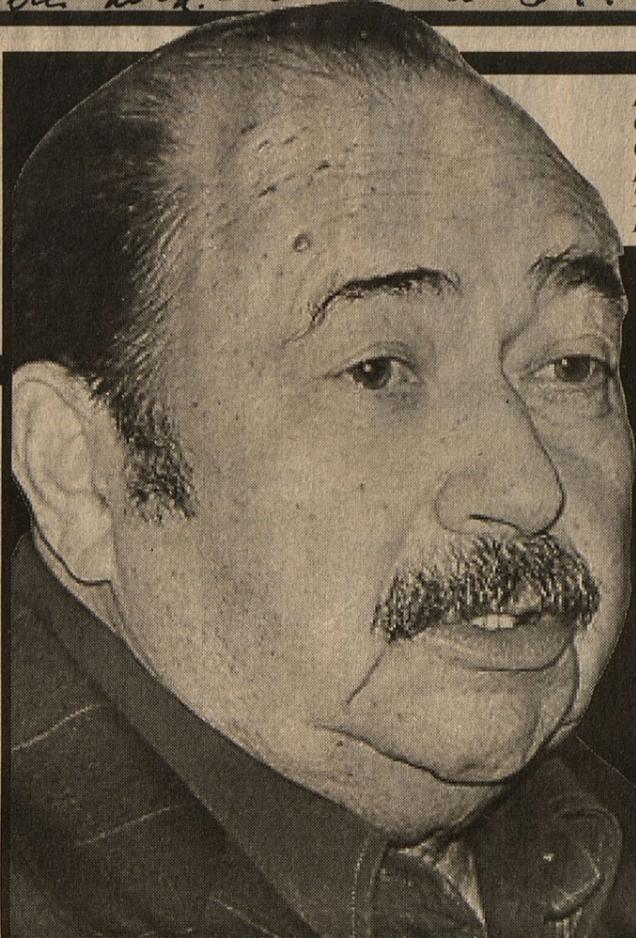

Григорию Поженяну сегодня исполняется восемьдесят

В моих ногах —
Осколки прежних лет.
Они со мной покинут этот свет.
И вместе с ними выйдут из огня
Тот, кто стрелял,
И тот, кто спас меня.

Он — один из самых пронзительных и честных наших поэтов. О его неуживчивости и задиристости ходят легенды, но те, кто любит его, любят самозабвенно.

В 41-м он пал смертью храбрых, сейчас — живет в Переделкине

Ада Вильчинская

Жажда

Поженян родился в Харькове. Отца, директора Института научно-исследовательских сооружений, арестовали в 37-м. Он стал «сыном врага народа». Он мечтал о море и после школы ушел в срочную на флот. Ему оставалось служить совсем немного, когда началась война. Он попал в диверсионный отряд. Название первого взорванного моста (Варваровка) он указал даже в краткой автобиографии. А летом 1941 года он пал смертью храбрых. Эта история вошла в анналы. «У каждого — своя фронтовая биография, но единственный из нас он был воскресшим из мертвых», — говорит о Поженяне его друг, писатель Григорий Бакланов.

Одесса тогда осталась без воды: немцы захватили водонапорную станцию в селе Беляевка и перекрыли подачу воды из Днестра. В тыл врага направили добровольцев из отряда моряков-разведчиков, чтобы хоть ненадолго дать городу воду. Шансов вернуться живыми у них не было. Им удалось захватить станцию. Через динамики в Одессе объявили: «Внимание, внимание! В город идет вода! В город идет вода! Откройте все краны, сейчас будет вода!» Вода действительно хлынула — в ведра, фляги, ладони. В это время разведчики вели бой за станцию. Они погибли.

В 1947 году в Одессу приехал поэт Григорий Поженян — собирать материал об этой истории для фильма, к которому писал сценарий. «У нас на улице Пастера висит мемориальная доска в память о погибших тогда моряках. Так нет ли у вас родственника-тезки, потому что он там значится?» — спросили его. «Родственника нет. Это был я», — ответил Поженян. Он был одним из немногих выживших тогда бойцов-добровольцев. Очередь на фильм Петра Тодоровского по сценарию Поженяна «Жажда» были такими же, как за водой в осажденной Одессе.

А доску Поженян сам попросил не менять:

— Я действительно убит вместе со своими друзьями. Тот Поженян погиб. Этот, который перед вами, живет посмертно», — сказал он.

Он вообще говорит, что стал поэтом, «потому что хотел стихами воскресить хоть одного человека».

Мать бойца Григория Поженяна, получив похоронку, ушла на фронт. Она стала едва ли не самым знаменитым военным хирургом — маленькая-маленькая женщина, которая не доставала до раненых на хирургическом столе. Операции она делала, стоя на скамеечке. В сорок четвертом к ней на стол с легким ранением попал ее погибший под Одессой сын.

Они звенят

Поэт Рудольф Ольшевский вспоминал:

«Я провожаю Поженяна в кишиневском аэропорту. Обычно и в Москве, и в Сочи его не проверяют. Но в Молдавии попался дотошный таможенник. Он долго рылся в чемодане, а потом попросил пройти рамку. Она громко зазвенела. Гриша выложил из карманов ключи и мелочь. Снова прошел. И опять раздался звон.

— Вас придется обыскать, — не успокаивался службист.

— Никогда, — прорычал Поженян и, несмотря на то, что вокруг толпился тысяча народа, который бурно реагировал на этот спектакль, не торопясь, словно собирался принять душ, стянул с себя рубашку, затем, извинившись перед дамами, стал стаскивать и штаны. Оставшись в одних плавках, Гриша снова проходит проем рамки. Звон кажется еще громче.

Таможенник не знает, как ему поступить. Почти раздетый человек — звенит. На помощь приходит

начальник службы. Зрителей собралось так много, словно это раздалась Алла Пугачева. Я, понимая, что Гриша сейчас снимет и плавки, пытаюсь уговорить проверяющих:

— Это известный московский поэт Григорий Поженян. Он воевал. В его теле с войны остались осколки. Они звенят.

Теперь на вопрос: «Как нам быть с нацистами?» — Поженян отвечает просто и четко: «Убивать следует уже только за жесты и использование символики».

После войны в семье случилась еще одна радость — вышел из тюрьмы отец. Какое-то время родители Григория Поженяна жили в Харькове. Когда мама умерла, Григорий Михайлович забрал отца в Москву и тысячу раз твердил ему: «Давай займемся твоей реабилитацией!» Отец отвечал: «Я честный человек. Если они ошиблись — пусть сами и исправляют». Григорий Михайлович вспоминал, что последние годы отец прожил фактически на диване, отвернувшись лицом к стене. Не хотел видеть мир. Зато его сын — боролся. Ух, как он это делал! У него и прозвище есть — Уголек. Он огнеопасный. Он — против течения. («Я с детства ненавидел хор...») Как-то глава Союза писателей Марков сказал ему:

— Стареш ты, Поженян.
— Да? — обрадовался тот. — Мудрее становлюсь?
— Нет, просто целый месяц на тебя никто не стучит.

Следите за рукой!

Юрий Дьяконов, художник (создал иллюстрации к книгам поэта, в том числе последнему большому сборнику «Астры»):

— Характер у Григория Михайловича, можно сказать, ужасный: категоричный, несдержанный. Для него нет ни королей, ни герцогов. Он говорит: «Я всегда готов порвать». Но за пятнадцать лет мы с ним ни разу не поссорились.

К своим близким он бесконечно нежен! Во многих стихах это можно найти. А вся его легендарная скандальность — это всего лишь нормальная готовность благородного человека защитить друга. Ну вот хотя бы тот легендарный случай, когда он члену правления Союза писателей набил морду, потому что тот оскорбил его друга Зиновия Герда.

«Главный закон жизни — дружба», — говорит он. Впрочем, у Поженяна есть и другие законы. Например, никогда и никому не спускать подлости. После войны дважды воскресший Поженян поступил в Литинститут. В общежитии в тумбочке он хранил пистолет, подаренный за героизм командующим фронта. И его, героя, позвали громить поэта Павла Антокольского: «Мы вам доверяем, Григорий Михайлович. Вы, хотя и не коммунист, но наш человек — воевали хорошо. А Антокольский предал родину... Григорий Михайлович, нужно выступить...» И так далее.

— Выступлю! — обещал Поженян.

«На трибуну он вышел в кителе (со всеми регалиями), который потом назовет «дурраким пиджаком» и будет надевать его только тогда, когда нужно будет идти к высокому

за мавзолеем, когда мои ровесники шли в атаку. И сейчас тоже не спрячусь. Вы хотите, чтобы я затоптал замечательного писателя, нашего прекрасного учителя поэзии? Внимательно следите за движением руки — и Поженян сделал рукой неприличный жест.

Григорий Поженян: «Я живу посмертно»

Досье «ВМ»

Поэт Григорий Поженян родился в 1922 году. Прошел Великую Отечественную — начал краснофлотцем, закончил — капитан-лейтенантом. Награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной звезды, орденом Боевого Красного знамени, орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, медалями «За Одессу», «За Севастополь», «За Кавказ», «За Белград», «За Заполярье» (это еще не все). Дважды представлялся к «Герою Советского Союза». В 1946 поступил в Литинститут имени Горького, откуда его два раза исключали за поддержку опальных друзей и учителей. Побывал на всех морях. Первой книгой Поженяна был сборник стихов «Ветер с моря» (1955). Написал около 50 песен («Два берега», «Песня о друге», «На Мамаевом кургане»), участвовал в создании фильмов «Поезд в далекий август», «Прощай», «Никогда», «Жажда». Вместе с В. Аксеновым и О. Горчаковым написал детектив под псевдонимом Гривадий Горпожак «Карьера агента ЦРУ 0014...». Лауреат Государственной премии России (1995). Имеет сына Александра. Живет в Переделкине.

начальству, заступаясь за друзей, попавших в немилость», — вспоминал Рудольф Ольшевский.

— Меня вчера попросили, вернее, приказали затоптать поэта, с книжкой которого я шел в бой. Если бы меня убили, был бы прострелен и этот томик, потому что хранился он в кармане на груди. Сын этого поэта погиб на фронте. Он не может защитить отца. От его имени это сделаю я. Мне не страшно. Меня уже убивали, и я живу после смерти. Я не прятался

Григорий Бакланов: — Мы пять лет учились вместе в Литературном институте. Впрочем, Грише выпало учиться на год больше: в те мрачнейшие времена в Поженяне жил дух вольности, и кончилось тем, что ректор Федор Гладков вызвал его в кабинет и после краткого содержательного разговора заорал: «Чтоб ноги вашей здесь не было!» И он, спортсмен, классный боксер, встал на руки и на руках вышел из кабинета и год после этого работал на судовой

фи, а потом вновь вернулся в институт. Все-таки курс наш был особенным: почти сплошь фронтовики, и столько их уже нет. Нет Володи Тендрякова, нет Жени Винокурова. Но, посадив, ни один курс Литинститута не дал столько известных ныне имен.

Он дал мне воду

— Легенда о поэте опередила мое знакомство с самим Поженяном, — рассказывает его сокурсник поэт Кирилл Ковальджи. — Я поступил в Литературный институт осенью 49-го года, когда только отшумела волна репрессий в связи с кампанией против так называемого космополитизма — институт не досчитался многих известных преподавателей и студентов. Прежде всего я услышал имена поэтов Григория Поженяна, Наума Манделя (Коржавина), Николая Глазкова... О них говорили со страхом и восхищением, цитировали их строки.

А со мной случился курьез. Под новый год, как всегда, в институте готовился капустник. Кому-то пришлось в голову, что я могу сыграть Поженяна — хотели спародировать приписываемую ему манеру величия. (Поженян — забияка, крикун, заводила, но небольшого роста, я как раз по фигуре подходил, если соответственно уплотнить бока и плечи). Помню, на сцене соорудили нечто вроде постаменты, а не него взгромоздился, изображая «памятник Поженяну» и выкрикивая кем-то сочиненные стихи о «моей» сверхъестественности.

«Узнает — он тебе морду набьет!» — сказал кто-то из доброжелателей, поздравляя меня с удавшейся комической ролью. Но мы подружился. Рыцарь и воин Григорий Михайлович оказался блистательным рассказчиком-юмористом, лицедеем-импровизатором, душой общества, непревзойденным тамадой. Бьющая через край одаренность, южный неутомимый темперамент порой заводят его далеко. И с ним тогда нелегко. Я написал ко дню его рождения:

Пусть досужие критики спорят — стал Бояном ты или буяном:

твое имя рифмуется с морем, а фамилия — с океаном.

Обучающий мужеству музу, сквозь медузы житейских историй ты всплываешь легендой, Григорий,

наш немеркнущий миф толстопузый!

Шутки шутками, но это он девятнадцатилетним парнем пробыл с отрядом к Бельевке и восстановил водоснабжение окруженного города. Он дал воду и мне — я ведь мальчишкой был там, в осаде!

Черта с два!

В начале весны прошлого года с ним случилась беда: его жестоко избили в Переделкине, где он живет уже много лет. В Фортунатовскую больницу его привезли с тяжелой черепно-мозговой травмой. «Погодите, — говорили друзья. — Чтобы Поженян вот так вот взял и сдался — черта с два!» Он и правда выкарабкался: он упрямый, его жизнь научила. Сейчас чувствует себя не очень хорошо. Но все равно держится.

Юрий Дьяконов:

— Он в свое время очень хотел преподавать в Литературном институте, но «мне не предлагают, а сам не пойду». А он бы был прекрасным, удивительным преподавателем — не ради денег и должности, это ему как раз абсолютно неинтересно. Он человек громадных энциклопедических знаний. Он знает всю мировую поэзию, абсолютно всю! Он мог читать лекцию о поэзии, не готовясь, с ходу. Теперь, к сожалению, после той страшной травмы он начал многое забывать...

Сомнения (1995) Григорий Поженян

20.09.02